

Олег Лекманов
(Москва)

**СОЛОГУБ И МАЯКОВСКИЙ
В «КОЗЛИНОЙ ПЕСНИ» ВАГИНОВА:
ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ**

В заметке анализируется взаимодействие подтекстов из Федора Сологуба и Владимира Маяковского в романе Константина Вагинова «Козлиная песнь».

Ключевые слова: К. Вагинов, Ф. Сологуб, В. Маяковский, подтекст.

In this note we analyze the interaction of the subtexts of Fedor Sologub and Vladimir Mayakovsky in the Constantine Vaginov's novel «Goat Song».

Key words: K Vaginov, A Sologub, V Mayakovsky, subtext.

Как и всякий текст, претендующий на завершение традиции, «Козлиную песнь» (1928) Константина Вагинова можно рассматривать как своеобразный центон, составленный из сложно спеленных цитат, взятых из текстов — образчиков традиции (в данном случае, модернистской). Поэтому вряд ли стоит удивляться, то и дело обнаруживая в вагиновском романе многочисленные реминисценции из едва ли не главного (наряду с «Петербургом» и «Крестовыми сестрами») русского модернистского прозаического произведения, а, именно — «Мелкого беса» Федора Сологуба, пусть даже это произведение и не входит в столь важный для Вагинова «петербургский текст».

В предлагаемой заметке я попробую показать, как работают сологубовские подтексты в «Козлиной песни» на примере разбора одного небольшого фрагмента из седьмой главы романа.

Прочитую (с незначительной купюрой) текст фрагмента:

Взглянул Тептелкин в окно, не идет ли к нему неизвестный поэт, и увидел, что идет, палочкой постукивает, шляпой помахивает, новую рукопись несет.

«Вот сейчас попирую в стране неизвестной», — подумал Тептелкин и побежал дверь отпирать.

Поцеловались. Ругнули современность. Духовно плюнули на проходивших пионеров.

з— Да пакость, гадость вокруг — одичание, — склонился Тептелкин.

Сели.

— И всегда пакость, гадость была вокруг, сволочное топтание, — задумавшись, продолжал Тептелкин.

— Воображаю, как белогвардейцы пакостят консульские здания за границей: перед тем, как туда вселяется какое-нибудь полпредство и обои срывают, и в потолок плюют, и паркет выламывают. Не сядут перед камином посидеть в последний раз, погрузить, посмотреть на стены, материей обтянутые, не походят по комнатам, не выйдут в сад, если таковой при доме имеется.

<...>

Тептелкину стало грустно, очень грустно. Он подошел к окну.

«Какие славные, загорелые дети эти пионеры», — подумал он и улыбнулся. Ему почему-то стало радостно и свежо, как будто в комнату ворвалась струя воздуха, освещенная солнцем, «вот снова молодость мира», — подумал он [1; 36–37]

Кажется вполне очевидным, что вагиновское описание неприглядного поведения белогвардейцев в консульских зданиях за границей восходит к изображению отвратительных забав Передонова, Варвары и Володина в комнатах, из которых первые двое собираются выехать:

Вдруг Передонов плеснул остаток кофе из стакана на обои. Володин вытаращил свои бараньи глазки и огляделся с удивлением. Обои были испачканы, изодраны. Володин спросил:

— Что это у вас обои?

Передонов и Варвара захохотали.

— Назло хозяйке, — сказала Варвара. — Мы скоро выедем. Только вы не болтайте.

— Отлично! — крикнул Володин и радостно захохотал.

Передонов подошел к стене и принялся колотить по ней подошвами. Володин по его примеру тоже лягал стену. Передонов сказал:

— Мы всегда, когда едим, пакостим стены, — пусть помнит.

— Каких лепех насажал! — с восторгом восклицал Володин.

— Ирешка-то как обалдеет,— сказала Варвара с сухим и злым смехом.

И все трое, стоя перед стеною, плевали на нее, рвали обои и колотили ихсапогами. Потом, усталые и довольные, отошли [3; 23].

Очевидность этой переключки, как кажется, позволяет соотнести и «духовный плевок» Тептелкина с неизвестным поэтом «на проходивших мимо пионеров» со многими современниками описанной и почти патологической ненавистью к пионерам автора «Мелкого беса». Для краткости приведем здесь лишь небольшой, но очень выразительный отрывок из «Воспоминаний о Федоре Сологубе» Елены Данько:

Однажды в Царском Федор Кузьмич рассказывал мне, как он сидел в парке на скамеечке с папиросой и мимо шли ненавистные ему пионерки в красных платочках, размахивая руками. И он нарочно держал на отлете папиросу, чтобы они, проходя мимо, наткнулись на нее рукой. «И ведь ни одна, подлая, не наткнулась»,— говорил он, изображая досаду [2; 203].

Но ведь на этой же странице своих мемуаров Данько вспоминает, как Сологуб был «нежен» с детьми, «угощал их и разговаривал хорошо» [2; 203]. Не напоминает ли это внезапный прилив нежности, который испытывает по отношению к «славным загорелым пионерам» в финале обсуждаемого фрагмента Тептелкин? Тем более что характеристика «загорелый» или «загорелая» едва ли не самая частая из тех, что автор «Мелкого беса» (испытывавший болезненное равнодушие к участкам открытой кожи на теле человека) давал детям и подросткам в своих произведениях.

Приведем лишь несколько примеров:

За темною зеленью деревьев мелькали красные шапочки, загорелые руки и ноги учительницы и детей («Капли крови»); Под солнцем он весь загорел, как цыганенок,— и лицо, и руки, и ноги («Земле земное»); На бледном, нервно-подвижном лице, слегка смуглом и загорелом мечтательно теплились кроткие карие глаза («Лелька»), etc.

Самое же интересное состоит в том, что подтексты из Сологуба подсвечиваются у Вагинова скрытыми цитатами из стихотворений сологубовского антипода — Владимира Маяковского¹.

¹ «Федор Кузьмич стал говорить, как ничтожен Маяковский и как недостойно его цитировать в присутствии Сологуба. Прошло полчаса, час — он все говорил» [2; 204].

Реминисценции из Сологуба используются в вагиновском романе для того, чтобы полусочувственно-полуиздевательски отразить мироощущение людей уходящей эпохи; цитаты из Маяковского — для того, чтобы противопоставить этому мироощущению дух нового времени, беспощадного к прошлому и глубоко чуждого автору «Козлиной песни».

Так, закавыченная в финале комментируемого фрагмента вагиновского романа формула «молодость мира», как представляется, восходит не только к заглавию одноименного стихотворения Валерия Брюсова, программно датированного первым мая 1922 года (время действия и того фрагмента «Козлиной песни», который мы комментируем), но и к знаменитым строкам Маяковского из его стихотворения «МЮД» 1926 года:

Коммунизм —
это молодость мира,
и его
возводить
молодым.

Напомним, что предыдущие строки стихотворения Маяковского звучат так:

Старый мир
из жизни вырос,
развезайте мертвое в дым!

Сравним по контрасту в предисловии к «Козлиной песни»: «Теперь нет Петербурга. Есть Ленинград; но Ленинград нас не касается — автор по профессии гробовщик, а не колыбельных дел мастер» [1; 13].

В стихах Маяковским была затронута еще одна тема, возникающая в комментируемом фрагменте «Козлиной песни». 6 ноября 1924 года в связи с признанием Советской России Францией состоялась официальная передача здания бывшего русского посольства в Париже советским представителям, а 14 декабря — подъем советского флага на этом здании. Маяковский, лично присутствовавший на торжественной церемонии подъема, в первом номере «Московского альманаха» за 1926 год опубликовал стихотворение «Флаг». В нем обличались и бывшие белогвардейцы:

Я крикнуть хочу:
«Извините, мусьи!»
Мы
здесь
пребываем по праву.

Для этого
мили
Буденный месил,
гоня
белых ораву.
Орете не вы,
а долги орут.
Доели
белые,
знать.
Бросали
франки в них,
как в дыру,
пока
догадались
признать...»

В заключение остается отметить, что описывая как Тептелкин с неизвестным поэтом «духовно плюют» на пионеров, а белогвардейцы «плюют в потолок», Вагинов вольно или невольно подражал Сологубу, в «Мелком бесе» которого Передонов плюет в лицо Варваре, Крамаренко — под ноги Передонову, а Грушина — на пол общественного собрания.

Сладострастные плевки лирического героя в лицо обывателю многократно описывал в своих стихотворениях и ранний Маяковский.

Список литературы и источников

1. Вагинов К. Козлиная песнь. Романы. М., 1991.
2. Данько Е. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения // Лица. Биографический альманах. Вып. 1. М., СПб., С.190–261.
3. Сологуб Федор. Мелкий бес. СПб., 2004. (Серия «Литературные памятники»).